

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ РОЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Социальная память – понятие, которое используется для описания и анализа явлений, связанных с актуализацией образов прошлого в самых разных контекстах. Одним из них является формирование и поддержка различного рода идентичностей. Образы прошлого во многом лежат в основе формирования мировоззрения населения и в частности молодежи, как группы, находящейся в стадии активной социализации, становления и поиска своего места в обществе. Как формируются представления о прошлом, что в них присутствует, а что «забыто» – показатель не столько работы системы образования, сколько сложных социально-культурных процессов, как на уровне больших общественных институтов, так и на уровне межличностного взаимодействия индивидов. Объяснение и социологическая интерпретация феномена «памяти» в контексте социализации молодежи связана, прежде всего, с отбором наиболее эффективных теоретических подходов к анализу проблемы.

Ключевые слова: молодежь, социализация, идентичность, социальная память, социологическая теория.

Социализация молодежи и полноценное становление отдельного молодого человека как зрелого гражданина – сложный и системный процесс в котором представления о настоящем и будущем собственной страны во многом основаны на образе исторического прошлого, его оценках и принятии. Представления об истории собственного общества – это не столько набор определенных знаний, сколько часть картины мира человека. Выбор того, что считать победой, а что поражением, что стоит помнить, а что следует «забыть», является результатом социализации в сложной и динамичной системе культурных символов, где образы прошлого и различные его репрезентации отражают грани национальной, этнической и гражданской идентичности. Солидарность общества относительно представлений о прошлом укрепляет ценности группы, позволяет наладить связи между поколениями и поддерживать значимость идентичности группы, для такой социальной группы как молодежь это имеет особенное значение. Прошлое и обращение к нему в современном обществе – важная часть как публичной политики, так и сферы куль-

туры, что находит свое отражение в институциональных формах работы с молодежью, на уровне федеральных и региональных программ.

Влияние исторических представлений на жизнедеятельность современного общества и отдельных его групп изучается в рамках междисциплинарного исследовательского направления, которое получило название *memory studies*. В данном контексте представляется необходимой теоретическая интерпретация понятий, активно используемых теоретиками *memory studies*, таких как «социальная память», «забвение», «культурная память» и других, и исследование связи проблематики памяти с процессами социализации молодежи.

В целом, основной фокус исследований памяти в социологическом ключе сосредоточен на объяснении механизмов формирования различного рода идентичностей (гражданской, этнической, региональной и иных) на основании обращения к прошлому и его актуализации. Актуализацией может быть, как формирование общественного мнения относительно определенного исторического собы-

тия/эпохи/личности, так и формирование эмоционально и ценностно насыщенных образов, связанных с образами прошлого. При этом значимо, что актуализация всегда происходит с целью изменить что-либо в настоящем, например, повысить уровень патриотизма через обращение к образу предка, который вызывает безусловное уважение и которому хочется соответствовать, или чтобы снизить напряженность между социальными группами, указав на традиции добрых взаимоотношений укорененные в прошлом. Таким образом, прошлое становится основанием для оценки социальных отношений настоящего и источником побуждения к действиям формирования определенных оценок, ценностей, идентичностей.

Многие исследователи также акцентируют внимание на создании символических объектов («мест памяти») [1, с. 19] и на конкретное содержание исторических представлений различных групп и тех практик вспоминания (коммеморации), которые для них актуальны. Причем уровень этих практик может быть, как связанным с действиями формальных институтов, так и касаться непосредственной интеракции между людьми (примером практик первого рода могут быть школьные экскурсии, второго – передача образов прошлого в кругу семьи, например, при просмотре старых фото).

В целом, социальный аспект памяти рассматривается с различных методологических позиций. Фокус на определенной социальной группе (чаще всего сообществе, члены которого непосредственно взаимодействуют) характерен для функционалистов. Функционалисты в своих трудах обосновывают интегрирующую роль памяти – общие воспоминания придают коллективам необходимую устойчивость и представление о единстве. В качестве общих воспоминаний понимаются «коллективные представления» (яркие представители подхода – Э. Дюркгейм [2], М. Хальбвакс [3]).

Феноменологический подход (представлен в работах Э. Гуссерля [4], П. Рикера [5]), объясняет формирование исторических представлений на микроуровне: интеракции с другими людьми рожают общие воспоминания социального характера, при этом «общими» становятся и представления о группе в целом и её прошлом.

Следующий подход – культурно-семиотический, представители которого (например, Я. Ассман [6] и А. Ассман [7]) обращают внимание на то, как средства передачи памяти в обществе меняют характер ее содержания, скорость и масштаб распространения, а также силу влияния на отдельного индивида и (или) целые группы, особенно в эпоху бурного развития средств массовой коммуникации и информатизации. Социальную память рассматривают в нескольких измерениях: так, память, полученную на микроуровне, относят к «коммуникативной». К коммуника-

тивной памяти относится производство и воспроизводство образов прошлого в процессе межличностного взаимодействия (в семье, общении с друзьями, коллегами и т.д.). Однако представители направления анализируют в основном «культурную память» – ту, что закреплена в символических текстах, объектах и способах их «расшифровки», восприятия и актуализации членами общества. Примерами объектов культурой памяти могут быть фильмы, книги и статьи, музеи и отдельные выставки, песни, учебные программы, создающие и закрепляющие (часто институционально) те или иные репрезентации прошлого.

Связан с культурно-семиотическим подходом и подход структуралистов (например, К. Леви-Стросса [8], и Р. Барта [9]), однако фокус внимания в нем сосредоточен на поиске и описании устойчивых структур в обществе, одной из которых является социальная память во всем многообразии своего содержания (нарративах мифов, способах взаимодействия и актуализации прошлого и т.д.).

Дальнейшее развитие принципов структурализма при исследовании социальной памяти происходит в постструктуралистской методологии в работах таких авторов как Ж. Бодрийар [10], П. Нора [1] и П. Бурдьё [11] и в целом в конструктивистских исследованиях памяти. Конструктивистский дискурс обращает внимание на множественность и дискретность образов «прошлого». Образы прошлого динамичны, могут различаться даже внутри одной группы и закрепляются при помощи символических объектов и практик разного масштаба и форм (от больших институциональных форм, например, утверждения национального праздника, до локальных практик – например, конфликтов на бытовом уровне по поводу репрезентаций конкретных исторических событий).

Важно, что социальная память – это не только символические образы, но и конкретные группы, для которых они актуальны и значимы в рамках определенного территориального и временного пространства. Поэтому, для социологического анализа памяти особое значение имеют концепции «социального пространства». Память как социальное пространство наполнена результатами активности акторов разного масштаба (от институциональных, до отдельных лидеров мнений), что приводит к ее неоднородности и изменчивости. Для объяснения этих особенностей памяти как специфического пространства подходят концепции «социальных полей» П. Бурдьё [11, с.132] и «полей» памяти Дж. Олика [12, с. 50]. Другое свойство социальной памяти, связано с тем, что отсыл к прошлому всегда нацелен не только на простую констатацию исторического факта, но и на то, как на основании этого факта стоит воспринимать настоящее. Именно это свойство социальной памяти делает ее мощным механизмом интеграции общества и социализации в нем молодежи. Социальная

память может стать источником представлений о преемственности одних традиций или напротив отказа от каких-либо практик, основой для описания идентичности собственной группы, стать основанием решения как относиться к другим группам и в целом сформировать гармоничную и зрелую картину мира.

Социальная память позволяет отбирать образы прошлого и воспроизводить их, поддерживая определенный уровень социальной интеграции и обосновывая уникальную групповую идентичность [3]. Классическое конструктивистское объяснение формирования идентичности – это метафора «воображаемого сообщества» Б. Андерсона [13, с. 30]. «Воображение» сообщества указывает не на то, что оно не существует в реальности, а на то, что прежде всего для существования группы имеют значение представления членов группы о принадлежности к группе, о том, какова эта группа и где ее границы. Во многом, эти представления о группе формируются именно на основании социальной памяти. Несмотря на то, что Б. Андерсон описывал становление национальных и этнических идентичностей, подобная конструктивистская интерпретация идентичности с позиции самоопределения индивида (которое формируется обществом в процессе социализации) подходит и для объяснения становления идентичности молодежи и роли социальной памяти в нем.

Для представителей еще одного, эволюционистского, подхода понятие социальной памяти так же неоднородно. Так, в работах Э. Тоффлера это и определённые социальные институты (например, такие организации как музеи), и сложная система нарративов о прошлом (отобранные в «общую» память события), и практики по актуализации прошлого для воспроизводства существующих образцов поведения и восприятия [14, с. 36]. Яркая особенность современного информационного общества связана с тем, что бурное развитие информационной сферы позволило социальной памяти распространяться и трансформироваться гораздо обширнее, быстрее и активнее [14, с. 50]. Современная молодежь, таким образом, оказывается под воздействием огромного потока информации, связанной с интерпретациями прошлого как собственной страны, так и мира в целом, и зачастую эти репрезентации представляют собой не академические тексты, а продукты массовой культуры и контента, который предлагает сеть интернет.

Молодежь можно охарактеризовать отчасти маргинальным, переходным состоянием, её социализация и адаптация не завершены в полной мере, и при этом происходят в условиях колоссальной информационной нагрузки, в том числе связанной с хаотичными, зачастую противоречащими друг другу, репрезентациями прошлого. В таких условиях исследование исторических представ-

лений молодежи и их связи с гражданской идентичностью молодых россиян – актуальное поле для исследований.

Молодые люди сегодня находятся в потоке динамично меняющихся условий, потоков информации и ценностей (как перешедших от старшего поколения, так и возникших недавно). Эти значимые и быстрые трансформации приводят к так называемому «эффекту когорты», который описан Г. Шуманом и Ж. Скоттом: память в обществах, переживших серьезные социальные трансформации, будет кардинально различаться для представителей разных поколений, по причине того, что социальный и культурный контекст социализации менялся очень быстро [15, с. 51].

Российская молодежь не является исключением – ее социальная память также формируется в условиях быстрых социальных изменений. Исследования исторических представлений современной российской молодежи сосредоточены прежде всего на определении их символического содержания, таких как знания и оценки относительно исторических эпох, событий и отдельных личностей, источниках формирования представлений о прошлом, связи памяти и различных граней идентичности молодежи (гражданской, этнической, региональной) [16].

Исследования социальной памяти в академическом ключе начали активно развиваться в конце XX века, однако и сегодня *memory studies* сохраняют свою актуальность благодаря многообразию форм и проявлений социальной памяти и масштабам тех социальных эффектов, которые она создает. Именно значение прошлого (его образов и интерпретаций) для изменений в общественной, политической и культурной жизни настоящего и составляет предмет современного социологического подхода к анализу памяти. Объяснение того, что такое память в социальном, а не психологическом ключе связано, во-первых, с выявлением элементов социальной памяти, которые условно можно назвать символическими объектами, это могут быть, например, памятники, музеи, книги, песни, фильмы статьи и т.д. Образы прошлого могут быть закреплены как в материальных объектах (например, в архитектурном сооружении), так иметь и не объективированную форму (например, существовать в виде легенды).

Во-вторых, социальную память можно рассматривать как набор представлений, мнений и оценок относительно прошлого, которые распространены в тех или иных социальных группах. И, наконец, в-третьих, социальная память может рассматриваться как пространство специфических социальных практик по производству и распространению символических объектов, формированию мнений и оценок относительно прошлого и созданию связи образов прошлого и современных социальных явлений и процессов (это и легитимация политических решений, и прора-

ботка культурных травм, и формирование солидарности различных групп) [17]. Эти процессы происходят через множество каналов, таких как СМИ, искусство, образование, мероприятия различного уровня и т.д.

Память как мощный ресурс для создания и поддержки солидарности в группе, общности ценностей, представлений о границах идентичности и особенностях своей группы зачастую связана с отсылкой к образу предка группы. Формируя черты предка в социальной памяти, группа одновременно описывает и себя в настоящем, указывая на преемственность традиций (например, черта «национального характера») [18, с. 143]. При этом значимы не столько конкретные исторические факты, которые отбираются для актуализации, сколько их ценностно-эмоциональная окраска, способность вызвать сопереживание и чувство причастности, сформировать или изменить представления о настоящем своего общества и мира в целом [17, с. 46].

Способность социальной памяти формировать ценности и идентичности групп особенно сильное влияние

оказывает на те группы, которые находятся в процессе становления, в частности на молодежь. Социальная память позволяет членам общества сформировать определенную картину мира и давать оценку событиям настоящего в сфере политики, культуры, отношений между «своими» и «чужими» группами. Множественность образов прошлого и динамичность их изменений становится одним из факторов, которые приводят к формированию сложной и многогранной идентичности современной молодежи, поэтому наиболее эффективным подходом к изучению роли социальной памяти становится конструктивизм, который позволяет как анализировать многообразие нарративов социальной памяти, влияющих на становление молодых людей как зрелых членов общества, так и производить работу с социальной памятью как «пространством» – выбирать наиболее эффективные формы и каналы для программ развития гражданской идентичности молодежи, ее мировоззрения и культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
2. Васильев А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. №2 – С. 141–167.
3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения 07.06.2021).
4. Крюков А.А. Проблема времени и рефлексии у Гуссерля // HORIZON. Феноменологические исследования. 2013. №2. – С. 50–60.
5. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
6. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности (Перевод с немецкого М.М. Сокольской); М.: «Языки славянской культуры», 2004. – 368 с.
7. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: Н.Л.О., 2014. – 328 с.
8. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. — М.: Наука, 1985. – 536 с.
9. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий/ под ред. Фредрика Барта; пер. с англ. Игоря Пильщикова. – М.: Новое изд-во, 2006. – 198 с.
10. Кимелев Ю. А. Жан Бодрийар. Иллюзия конца, или прекращение событий // Социологическое обозрение. 2001. №1. – С. 36–38.
11. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики/ Сост. и общ.пер. с фр. и послесл. Н.А. Шматко. Ч. 1, СПб.: Алетейя, 2007. – 567 с.
12. Дж. Олик, Д. Хлевнюк, Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. №1. – С. 40–74.
13. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма // Перевод с английского В.Г. Николаева. Вступительная статья С.Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
14. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма» Издательство АСТ, 2004. – 140 с.
15. Шуман Г., Скотт Ж. 1992 Коллективная память поколений. – Социологические исследования № 2, 1992. – С. 47–60.
16. Миклина Л.И. Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-pamyat-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 29.05.2020).

17. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке/ Коллективная монография под ред. Н. Кочеляевой. – М.: Совпадение, 2012. – 157 с.

18. Вебер М. Отношения этнической общности.// Журнал социологии и социальной антропологии. Том 7, № 2. 2004. – 220 с.

Информация об авторе

Озерова Карина Адгамовна, кандидат социологических наук, старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии

E-mail: Karina-usm@yandex.ru

Ozerova K.A.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ROLE OF SOCIAL MEMORY IN THE SOCIALIZATION OF YOUTH

Abstract. Social memory is a concept that is used to describe and analyze the phenomena associated with the actualization of images of the past in a variety of contexts. One of them is the formation and support of various kinds of identities. Images of the past are important for the socialization of young people. The way ideas about the past are formed, what is present in them, and what is "forgotten" is an indicator not so much of the work of the education system, but of complex socio-cultural processes at the micro and macro levels of social life. The sociological approach to the phenomenon of "memory" in the context of the socialization of young people is primarily connected with the constitutional understanding of the nature of social memory and identity.

Keywords: youth, socialization, identity, social memory, sociological theory.

Literature

1. Nora P. Problems of places of memory // Nora P., Osuf M., Puimège J. de, Vinok M. France-memory. SPb.: Publishing house of St. Petersburg. University, 1999. – S. 17–50.

2. Vasiliev A. Incarnate memory: commemorative ritual in the sociology of E. Durkheim // Sociological Review. 2014. No. 2 – P. 141–167.

3. Halbwax M. Collective and historical memory // Emergency reserve. 2005. No. 2–3 (40-41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (date of treatment 06/07/2021).

4. Kryukov A.A. The problem of time and reflection in Husserl // HORIZON. Phenomenological research. 2013. No. 2. – S. 50–60.

5. Riker P. Memory, history, oblivion / per. from French M.: Publishing house of humanitarian literature, 2004. – 728 p.

6. Assman J. Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity (Translated from German by MM Sokolskaya); M.: "Languages of Slavic culture", 2004. – 368 p.

7. Assman A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics / per. with him. M.: N.L.O., 2014. – 328 p.

8. Levi-Strauss, K. Structural anthropology / K. Levi-Strauss. – M.: Nauka, 1985. – 536 p.

9. Bart F. Ethnic groups and social boundaries: Social organization of cultural differences / ed. Fredrik Barth; per. from English Igor Pil'shchikov. – M.: New publishing house, 2006. – 198 p.

10. Kimelev Yu. A. Jean Baudrillard. The Illusion of the End, or the Cessation of Events // Sociological Review. 2001. No. 1. – S. 36–38.

11. Bourdieu P. Social space: fields and practices / Comp. and general per. with fr. and after. ON THE. Shmatko. Part 1, St. Petersburg. : Aleteya, 2007. – 567 p.

12. J. Olik, D. Khlevnyuk, Memory configurations: process-relational methodology illustrated by the example of Germany // Sociological Review. 2012. No. 1 – P. 40–74.

13. Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism // Translated from English by V.G. Nikolaev. Introductory article by S. Bankovskaya. M.: "KANON-press-Ts", "Kuchkovo Pole", 2001. – 288 p.

14. Toffler E. The third wave. – M.: LLC "Firma" Publishing house ACT", 2004. – 140 p.

15. Schumann G., Scott J. 1992 Collective memory of generations. – Sociological research № 2, 1992. – P. 47–60.

16. Miklina L.I. Social memory of modern Russian youth // Power. 2015. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-pamyat-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi> (date of access: 05/29/2020).

17. Cultural memory in the context of the formation of Russia's national identity in the XXI century / Collective monograph, ed. N. Kochelyaeva. – М .: Coincidence, 2012 . – 157 p.

18. Weber M. Relations of ethnic community. // Journal of Sociology and Social Anthropology. Volume 7, No. 2. 2004. – 220 p.

Author

Ozerova Karina Adgamovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology
E-mail: Karina-usm@yandex.ru